

★ НА ЛИНИИ ОГНЯ ★

РЖЕВСКАЯ МЯСОРУБКА

ВЫЖИТЬ В АДУ

БОРИС ГОРБАЧЕВСКИЙ

На линии огня

Борис Горбачевский
**Ржевская мясорубка.
Выжить в аду**

«Яуза»

2020

УДК 327
ББК 66.4

Горбачевский Б. С.

Ржевская мясорубка. Выжить в аду / Б. С. Горбачевский —
«Яуза», 2020 — (На линии огня)

ISBN 978-5-00155-182-9

«Я убит подо Ржевом...» – так начинается, наверное, самое трагическое, горькое и пронзительное из фронтовых стихотворений. Красная Армия потеряла в Ржевской битве до двух миллионов человек-больше, чем в Сталинграде! – недаром историки считают ее «крупнейшим поражением Жукова», а ветераны прозвали «прорвой», «бойней», «РЖЕВСКОЙ МЯСОРУБКОЙ». Борис Горбачевский прошел через все круги этого ада, выжив там, где шансы уцелеть были близки к нулю, – чтобы рассказать всю правду об одном из самых долгих и кровавых сражений Великой Отечественной.

УДК 327

ББК 66.4

ISBN 978-5-00155-182-9

© Горбачевский Б. С., 2020

© Яуза, 2020

Содержание

От автора	6
Часть первая. Мои первые военные университеты. Январь – май 1942	8
Глава первая. Курсанты и командиры. Январь-март 1942 года	8
Как я стал солдатом	8
Новогодняя ночь	8
Уроки казармы	10
Сутки курсанта	11
Юра Давыдов и «дядя Степа»	15
Лейтенант Артур	16
Комроты Ковальчук	17
Димка Окунев – «бравый солдат Швейк»	18
Женечка	19
Шурка	22
Зина	23
Юлик Герц. Саша Пушкарев	24
Комиссар	26
Опять «еврейский вопрос»	28
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Борис Горбачевский

Ржевская мясорубка. Выжить в аду

© Горбачевский Б.С., 2020

© ООО «Яуза-Каталог», 2020

* * *

*Посвящаю эту книгу моим товарищам, что погибли под Ржевом,
где солдатом я начинал свой боевой путь*

*Посвящаю милой, доброй маме, сохранившей до конца жизни как
самую великую драгоценность все мои фронтовые письма*

От автора

Почему через 60 лет после окончания войны я принялся за воспоминания? Как-то Сент-Экзюпери сказал: «Для тех, кто воевал, война никогда не кончается». Верно! Но это не главное, что подвигло меня на склоне лет на столь отважный общественный и литературный поступок.

А что же главное? Сохранить в истории частичку живой памяти о прошедшем времени, рассказать о своих боевых товарищах, отдавших жизнь за Отечество! Вот, пожалуй, основной мотив, побудивший меня взяться за перо.

В последние годы я все чаще задумываюсь над тремя фактами. Они постоянно беспокоят душу, я стараюсь их понять.

Факт первый: как это ни грустно, но приходится признать, что из нашего сознания выветривается понимание, вероятно, самого крупного события XX века – Великой Победы над фашизмом. Эта Победа, напомним, спасла целые народы от рабства и физического уничтожения. В данном случае книга моя – повод обратить внимание общества на беспечность, весьма схожую с человеческой легкомысленностью 30-х годов прошлого века, когда была упущена возможность остановить безумца Гитлера и его генералов.

Факт второй: трагическая судьба моего поколения, скошенного, как трава, войной. Из каждых ста воевавших молодых солдат – вернулось трое. Спрашиваю себя: почему оказалась столь немыслимо высока цена Победы? И не нахожу однозначного ответа. Когда думаешь об этом, понимаешь: это же – катастрофа! Прозрение пришло не сразу. Теперь-то мы понимаем: останься в живых больше людей, как бы они обогатили державу. Возможно, появились бы лидеры, которые повели бы страну по новому, иному пути...

Факт третий: задумываемся ли мы над тем, как буквально за два года войны фактически сформировалась новая Красная Армия вместо кадровой, погибшей в 1941-м. И эта новая армия, руководимая новыми военачальниками, прошедшими за первые два года войны не одну «академию» на солдатских костях, превратилась в грандиозную силу, победившую самого сильного и опасного противника за всю историю человечества.

Книга моя – попытка разобраться в этих неординарных событиях.

Нас, еще живущих ветеранов, нередко называют «вымирающим поколением». От времени, увы, никуда не уйдешь. Пройдет еще пять-десять лет, и останутся немногие... Правда, печать иногда рассказывает легендарные случаи. Например, во Франции еще живы два солдата Первой мировой, а в Англии живет еще один такой счастливчик.

Закончив свое произведение, я перечитал книгу Ремарка «На Западном фронте без перемен», названную «Книгой о потерянном поколении».

Мы, фронтовики Второй мировой, в отличие от героев Ремарка, вернулись с войны не «потерянным поколением», а гордыми победителями! И свою гордость, вопреки господствовавшей в то время в стране тоталитарной власти, сохранили в своих сердцах на всю жизнь.

Я не приемлю взгляда, будто все фронтовики вернулись с войны законченными фаталистами или с верой в бога, наркоманами или тем паче психопатами... Конечно, были и такие. Послевоенная жизнь для многих из нас оказалась неласковой, особенно досталось инвалидам, а их насчитывалось более двух с половиной миллионов. Фактически страна оказалась не готовой создать всем им нормальные условия существования. Я не собираюсь замалчивать или упрощать наше трудное прошлое. И все-таки большинство участников войны сели за парты, закончили школы, различные профессиональные курсы, институты, нашли себя в обществе.

Моя книга рассказывает о реальных событиях и реальных людях. Правда, я не могу настаивать на строгой документальности: не все сохранила память. Отдельные факты реконструированы, что-то пришлось додумывать. В некоторых случаях изменены имена. В суждениях

своих я стремился к объективности, но, возможно, где-то и не избежал субъективных оценок, особенно в характеристиках людей. Впрочем, не мне судить об этом.

События изложены в хронологическом порядке. Мне казалось, это позволит читателю лучше представить и понять человека в тяжелой обстановке войны, когда нередко приходилось стоять насмерть.

Книга появилась благодаря помощи и поддержке сайта на Российском интернете «Я помню» и его руководителя Артема Драбкина. За что превеликое ему спасибо!

Спасибо моим товарищам и помощникам в подготовке рукописи: Майе Лановской – за литературную правку. Электронному дизайнеру Юджину Гольдину. Татьяне Сироте, выполнившей электронный набор и верстку.

Какими красивыми были,
Таковыми и в землю ушли.
А там, где мы их хоронили,
Там красные маки взошли.
Свершаются сказки и были
В созвездьях боев и побед...
Какими красивыми были
Ребята семнадцати лет.

Владимир Соколов

Часть первая. Мои первые военные университеты. Январь – май 1942

Глава первая. Курсанты и командиры. Январь-март 1942 года

Как я стал солдатом

В конце 1941 года семья наша жила в городе Кыштыме Челябинской области, я работал учеником токаря на заводе «Красный металлист». В ноябре Кыштымский горком партии отозвал меня на месяц с завода и направил уполномоченным в село. На мои сомнения, что я человек городской, не отличу пшеницы от ржи, секретарь рассмеялся: «Надеюсь, теперь научишься!»

Так, внезапно и впервые в жизни, я оказался в деревне. Называлась деревня Бабкино. Ни радио, ни телефона, ни газет в ней не было, как и электричества, – его заменяли керосиновые лампы и свечи. Колонка была одна на две улицы, к ней издали тянулись женщины с коромыслами. Правда, водопровод и канализацию несколько раз намечали провести, но решение отнесли на 1960 год. Неубранный урожай лежал под снегом. Имелось два поломанных трактора; чтобы завести их вручную, тракторист тратил полдня, но, как ни старался, удавалось не всегда. Мужиков не было, всех позабирали в армию. Одни бабы. Ощущая их жадные взгляды, я терялся, чувствовал себя неуютно. Наступили холода, и скотина жила в избах, вместе с хозяевами. Ближайший медпункт с фельдшером – в райцентре Шумиха, а до него двенадцать километров. В сельской лавке, казалось, больше мышей, чем продуктов. Одна была гордость у бабкинцев – баньки с парилкой при каждой избе. Могу засвидетельствовать: действительно чудо.

Уже были жены и матери, получившие похоронки, и землю в Бабкино залили первые вдовьи и материнские слезы. По каждому похоронному случаю председатель выписывал на поминки из колхозных запасов десять килограммов мяса, колхозники покупали в долг водку – в сельской лавке она всегда на виду, а мышей, слава богу, зелье не интересовало. Заливали горе по-черному, несколько дней. На работу, конечно, никто не выходил. Меня это раздражало, но, учитывая обстоятельства, я молчал и считал дни, когда смогу расстаться с деревней. Неловко я себя чувствовал на этих поминках: один, молодой – и не на фронте. Не станешь же объяснять им, что у меня броня, так как наш завод выпускает военную продукцию.

Тем не менее этот месяц в деревне, общение с бабкинцами изменили мою судьбу. Вернувшись в Кыштым, я тут же сходил в военкомат. Хотелось мне в Челябинское танковое училище, но медики признали меня дальтоником и отправили в Тюмень. Все получилось очень быстро, и уже в конце декабря 1941 года я переступил порог Тюменского военно-пехотного училища.

Новогодняя ночь

Приехал я под самый Новый год. Меня сразу определили в минометный батальон и поселили в никем пока не занятую казарму, где должна была вскоре разместиться моя рота.

Пустое, холодное, полутемное помещение, голая лампочка высоко под потолком, голые железные койки, тумбочки с открытыми дверками – и никого. Я, дурак, приехал первым. Глухую тишину озвучивало лишь громкое тиканье часов, висящих над входными дверями,

широкими и крепкими, как ворота. Возникло неясное щемящее чувство, что я попал в клетку, хотелось заплакать, но я сдержался.

Сосчитал койки. Слева и справа – по тридцать две, в два яруса. Значит, здесь будут жить 128 курсантов. Мои сверстники, восемнадцатилетние, девятнадцатилетние парни. Они приедут со всех концов страны учиться военному искусству. За полгода нас обучат и отправят на фронт уже командирами – младшими лейтенантами.

В каптерке мне выдали дряхлое ватное одеяло и истертый дырявый матрац. Все это придало некий незатейливый уют моей первой казарменной постели и должно было спасти от холода. Залез на верхнюю койку и поплотнее укрылся шинелью, обретенной впервые в жизни всего пару часов назад.

Сон не шел. Сколько всего бродило в голове! Как начнется мой первый армейский день? Как примет меня казарма? Какие будут командиры и как станут учить нас? Справлюсь ли с армейской жизнью?.. В размышлениях я не заметил, как доел последнюю мамину котлету – я так их всегда любил – и уже принялся за коржики. Мама снабдила меня в дорогу едой, теплыми носками, свитером, целым пакетом бумаги и конвертов, ручкой, карандашами – вскоре все это, поочередно, бесследно исчезнет. Появятся ли у меня друзья? Как-то все будет?..

Скрипнула дверь. На пороге стоял незнакомый высокий парень в шинели, но еще с прической; за спиной – чудной узел на лямке через грудь. Подошел, ловко забрался вверх на соседнюю койку, предварительно забросив на нее подушку без наволочки, такой же, как у меня, замусоленный тюфяк и еще более древнее, чем мое, одеяло. Свой странный заплочный груз оставил внизу.

– Будем знакомы, позвольте представиться: Александр Рыжиков. Горьковчанин. Вырос в рабочей слободке, красочно описанной нашим великим пролетарским писателем.

Я тоже улыбнулся и представился. Вот, уже не один!

– Грустишь, парень, свободной жизни пришел конец? Не спеши грустить. Печали, друг, все впереди, собрались-то на войну! – И спохватился: – Господи, через час – Новый год! Любимый праздник! Споем?! «В лесу родилась елочка, в лесу она росла...»

Я невольно подхватил, допели уже вместе, и Саша сказал:

– Ну что ж, ты сегодня – в роли Деда Мороза, а я – Снегурочка. Годится? Не пропускать же такое событие – первый праздник в казарме!

Спустились вниз, устроили импровизированный стол, накрыв тюфяком металлическую сетку койки. Саша вышел, а я принялся налаживать праздничное угощение. Выложил коржики домашние, две воблы астраханские, леденцы горьковские, шпроты японские. Вернулся Саша, он принес две кружки воды, восхитился:

– Какой стол соорудил! – Покрутил коробку со шпротами: – Откуда сие?

– Любопытная история! На станции в Кыштыме – я там сидел на поезд – застряло несколько вагонов, набитых картонными коробками со шпротами, их везли из Японии в Москву. Но столице теперь не до шпротов, пришло указание: в два дня очистить вагоны и передать Уральской дороге. Вот и пустили шпроты в продажу, так что кыштымцы, наверно, на всю жизнь запаслись японскими шпротами.

– Повезло!

Мы чокнулись кружками и пожелали друг другу в Новом году всяческого добра.

– А теперь ублажу тебя, друг! – возгласил Сашка.

Он бережно взял свою странную торбу. Оказалось, это был чехол, а в нем – гитара! Насладившись моим изумлением, Сашка объявил:

– В честь Нового года! Прибытия первыми в казарму! Нашего знакомства! Послушайте, сэр, песни о прошлой, теперь уже довоенной жизни! Фольклор!

Он настроил гитару, запел и уже не останавливался, одна песня следовала за другой, играл и пел он замечательно, да и песни... Какие песни! До войны их пела вся страна – во

дворах, за праздничным столом, в минуты грусти и радости. «Девушку из маленькой таверны», по заявке слушателя, Саша спел дважды.

Так мы встретили Новый, 1942 год, заснув только под утро.

Уроки казармы

Через неделю казарма наполнилась жизнью, зазвенели всюю молодые голоса. Мы легко перепознакомились. Всех быстро распределили по взводам. Представили командиров. Указали койки. Постепенно налаживался армейский быт. И вот мы уже приступили к занятиям.

Учили нас по ускоренной программе. С первых дней мы вкалывали до изнеможения. Я за полгода должен был стать командиром минометного взвода. Ежедневно проводилась строевая подготовка. Дважды в неделю – стрельбы. Зубрежка полевых уставов (а их не счесть!), связь, тактика, стрелковое оружие, пистолет, винтовка, карабин, пулемет, и вот-вот должны заняться минометами. Учили и рукопашному бою. Раз в неделю – лыжи: марши на близкие и дальние расстояния, до 20-30 километров, с разведкой местности и боевым охранением. Кроме того, несколько раз нас поднимали по тревоге, и мы совершали ночные десяти-, пятнадцатикилометровые марш-броски при полном снаряжении.

Удивительно! – каждый начальник свое дело считал самым важным и это личное понимание старался внушить курсантам. Например, старший сержант, он вел строевую подготовку, заявлял:

– Без любви к строевой ни один человек не может правильно (!) ходить по земле.

Старшина, заиклившийся на заправке кожаных сапог и чистоте сапог, постоянно твердил:

– Кровать заправляется автоматическим движением рук ниже пояса. – Или: – Завтра на фронт – а у вас грязные сапоги!!

Взводный Артур, способный лишить рассудка любого курсанта, не вызубрившего каждый параграф очередного устава, вдавливал:

– Учите уставы – здоровее будете!

Политрук самым серьезным образом убеждал:

– Я вас научу любить Родину!

Помимо основного набора военных наук мы также мыли посуду, отчищали огромные пузатые котлы от копоти и накипи, убрали мусор, драили до блеска полы в казарме, рубили и пилили дрова, швабрили клозет, лестницу... Все это – и учение, и хозяйственные работы – доставалось мне труднее, чем многим курсантам, пока я не втянулся в суровую солдатскую жизнь.

По ночам в казарме шла своя, иная жизнь. Сашка Рыжиков, например, давал сольные концерты – и какие! Прямо как в театре! Правда, после нескольких ночных выступлений гитару у него отобрали. Однажды ночью внезапно явился старшина, гаркнул:

– Здесь вам не «малина»! – и выхватил у Сашки гитару. – Верну, когда поедешь на фронт!

Сашка маялся, скучал без гитары, однажды даже заплакал... И продолжал петь. Назло. Мол, и без гитары могу! Его слушали и без гитары – ликовали, хлопали. Но он, видно, обиделся и затаился.

Доскажу, забегаю вперед, историю о гитаристе и его гитаре.

Через месяц Рыжикова вызвал командир батальона и пообещал вернуть гитару, если курсант будет участвовать в большом концерте 23 февраля, в День Красной Армии: прочтет стихи Маяковского о Красной Армии, сопровождая их игрой на гитаре. Сашка отказался. Прошел еще месяц. Учился Сашка не хуже других; взводный, лейтенант Артур, даже заметил в нем на стрельбище талант – точный глазомер – и стал тренировать курсанта к показательным стрельбам. Чего он только не обещал Сашке: и отдать гитару, и наградить значком «Ворошиловский стрелок», и присвоить звание сержанта... если курсант Рыжиков достойно представит взвод

на стрельбах батальона. Сашка не покорился и лейтенанту: стрелял скверно. Потому гитары так и не увидел.

В лыжном спорте Рыжиков всегда был одним из первых. Но на показательных соревнованиях пришел последним. Поведение курсанта разозлило Артура, и вместо гитары он при первой же Сашкиной оплошности влепил ему пару нарядов вне очереди.

Вот так и получилось, что угроза старшины сбылась: свою гитару строптивый курсант получил, лишь уезжая на фронт.

Вскоре после изъятия гитары произошло новое ночное ЧП. В казарму ворвался старшина и конфисковал у заядлых картежников две колоды карт. Прозвучали знакомые слова:

– Здесь вам не «малина»! Вы в казарме! Здесь в карты запрещено играть!

Миновала неделя, и старшина накрыл игроков в кости на деньги.

Казарма всполошилась! Откуда старшина все знает? Неужели кто-то из своих какает? Возникли подозрения. Сразу появилась какая-то неловкость в отношениях. Но это продолжалось недолго. В подобных случаях всегда находится человек, который добровольно берет на себя обязанности сыщика. Несколько дней расследования, и наш детектив установил два неоспоримых факта: кто и как. Доносчиком оказался маленький толстенький Феденька с узкими бегающими глазками. В послеобеденный час отдыха, самое благословенное время, он бегал с «докладом» к старшине. Выследив Феденьку, когда тот направился в каптерку, наш сыщик подкрался к двери и услышал примерно такой диалог:

Старшина:

– Вот тебе, курсант, семь мармеладок.

Феденька:

– Товарищ старшина, вы обещали десять.

Старшина:

– Хватит с тебя и семи. Узнаешь что новое – получишь еще.

Суд был скорый. Так решила казарма. Выражая общее мнение, кто-то сказал:

– Надо отучить эту тварь продавать товарищей!

Два дня Феденьку сбрасывали с «очка» в уборной, приговаривая: «Высри мармеладки в свои подштанники, гад!» Больше в той уборной Феденьку не замечали, видно, бегал на другой этаж. На этом не остановились. Последовало новое наказание: укутали предателя в одеяло и избили по-черному. Сброшенный с койки, он долго лежал на полу, стонал и плакал.

Закончилось это тем, что в Ленинскую комнату, где вечером обычно собирался почти весь взвод, явился Феденька и взмолился:

– Простите, ребята! Ведь на войну нам вместе. Грешен я, простите!

Не простили. «За семь мармеладок проданся!» Долго его не замечали, обходили стороной.

Вот такие первые житейские неожиданности встретили меня в училище. Как их воспринимать, я еще не знал. Понемногу присматривался и привыкал к казарме, пытался понять ее законы, обычаи, традиции, а главное – характеры курсантов и командиров.

Сутки курсанта

Как нас готовили в командиры. Попробую рассказать об этом на примере одного дня: любой другой ничем не отличался.

Шесть часов утра. Еще темно. Словно удар по голове, гремит на всю казарму бас старшины:

– Подъем!

Вскакиваю с постели. Мне легче, чем Шурке, это мой сосед: я внизу, он наверху. Мигом застилаю постель. На это положено три минуты. Допустишь небрежность – старшина заставит

перестилать, причем может это сделать и пять, и десять раз. Обматываю портянками ноги, опускаю в сапоги и чувствую влагу, неприятный запах. Ага, вероятно, ночью меня проиграли в карты и кого-то заставили «налить» мне в сапоги. А времени в обрез, все рассчитано по минутам.

– Шевелись! Шевелись!

Строим мчимся в туалет. Это длинная, узкая холодная комната с выкрашенными зеленой масляной краской стенами. С одной стороны – двадцать умывальников. Вода холодная, края умывальников обледенели. У противоположной стены – сортирная часть. Очередь обычно тянется в обе стороны.

День начинается матом и кончается им же. «Очко» в сортире в твоём распоряжении четыре минуты. Пока ребята моются, быстро занимаю свободную кабину. Меняю портянки и переобуваюсь. На остальное не остается времени. Попробуй хоть раз справить нужду, получив удовольствие! Попробуй – и тебя без лишних слов и шума сбросят с «очка». Самое меньшее зло – замараешь исподнее. Я оставляю все на потом. Чищу зубы, обмываюсь холодной водой до пояса, растираюсь полотенцем до красноты. А старший сержант уже строит взвод:

– Шевелись! Шевелись!

Все – в нательных рубашках, заправленных в брюки. Бегом по лестнице на плац. А там – Сибирь! Мороз сорок градусов! Дым из трубы похож на хвост рассерженной кошки – поднимается прямо вверх. Ветра нет. Чистый морозный воздух. Мы – молодые, крепкие. Разминка – легкая пробежка, и уже звучит новая команда:

– На зарядку! Шевелись! Раз! Два! Три!..

За сорок минут – двадцать упражнений.

В это время дежурные пилат и колют дрова для кухни и отопления казармы. Я уже научился крепко и правильно, без напряжения, держать пилу, и меня не валит, как прежде, усталость. Справляться с пилой научил нас, меня и Женечку – курсанта из Ленинграда, мой сосед по казарме Шурка. С топором же я так и не совладал: не хватало ни силы, ни ловкости, ни глазомера; для меня такая работа заканчивалась мозолями и кучей щепок.

После зарядки – казарма. Надеваем гимнастерки – пуговицы блестят, начищенные мелом с зубным порошком. Строим бодро шагаем в столовую.

– Шевелись! Шевелись!

Семь утра, а сколько уже дел сделано!

Завтрак. На завтрак обычно – перловка или пшенка. Десять граммов масла, два ломтя хлеба и два кусочка сахара, горячий чай. В праздники, дополнительно, – по пирожку с повидлом.

Это целая наука: как сидеть за столом, пользоваться вилок, ложкой, ножом, – об этом написаны книги. Но нас никто этому не учит. Поэтому, если курсант, например, вылизывает языком тарелку, на него никто не обращает внимания. Успел ли ты поесть вовремя или нет – тоже твое личное дело. Как только заканчивается время, отведенное на завтрак или обед, раздается команда, мы выскакиваем из-за столов и спешим, опять же строим, в казарму.

– Шевелись! Пошевеливайся!

Три следующих часа отведены на изучение уставов. Их много, и каждый нужно вызубрить до последнего параграфа. Командир должен точно руководствоваться уставом – в наступлении и в обороне, в лесу и в поле, зимой и летом, во время караульной службы и т. д. Всем нам, командирам и курсантам, известно, что полевые уставы, которым нас учат, – устаревшие, еще довоенные, ориентируют в основном на опыт Гражданской войны, без учета знаний о современном ведении боя. А значит – бесполезны. Но командиры об этом молчат, молчим и мы. Зубрим их, как самые тупые школяры, не понимая, по своей неопытности, какой колоссальный вред они уже принесли и еще принесут Красной Армии, пока их не заменят новыми. К примеру, в соответствии с действующими уставами командир должен находиться впереди ата-

кующей цепи. Так мы поначалу и воевали, от чего неоправданно гибли командиры, терялось управление на поле боя.

Часы занятий по изучению уставов – одни из самых гадких. Их проводит с нами командир взвода лейтенант Артур. Порой кажется, что, кроме уставов, он ничего не знает и не хочет знать. Но в этом деле он истинный артист. Начинает он свои занятия так:

– Первой любовью молодого курсанта должен стать устав! Второй – командир!

Русским языком Артур владеет слабо. Когда, коверкая слова, он произносит «наверех» вместо «наверх», или «нанизех» вместо «вниз», курсанты смеются – понятное дело, в кулак. Хуже занятий по уставам – только политзанятия.

После занятий – пятнадцать минут перекур. Затем бег строем на плац. До обеда. Каждый божий день – строевая подготовка. Тоже не шоколад. Ее называют «шагистикой». Шагаем вдоль веревочки: по одному, по двое, по трое, отделением, взводом. Команды звучат непрерывно, одна за другой:

– Левой! Правой! Кругом! Вперед!..

Руководят шагистикой сержанты. Стараются они, может, даже больше, чем мы. Когда ты впечатываешь шаг в асфальт – кажется, что ты ангел, особенно если ты не один, если одновременно вверх, чеканя шаг, взлетают десятки ног. Но сержант вечно недоволен, снова и снова команда:

– Шаг вперед! Шаг вперед!..

Мы научились четко козырять. Мы умеем стоять, как истуканы, по стойке «смирно», выпучив глаза на командира. Можем брать на караул, отбивая каблуками не хуже чечеточников. Браво исполняем повороты направо, налево. Мы стойко терпим идиотские придирки и громкую брань – по поводу и без повода. Мы готовы всегда – независимо от собственного мнения, настроения – быть послушны команде.

Между тем стоять по стойке «смирно» сибирской зимой – без перчаток, сжимая голыми пальцами ледяной ствол винтовки, – это не курорт! Какая собака такое вынесет? А смысл?!

– Черт возьми, кому нужна эта шагистика! – как-то, не выдержав, возмутился Юрка Давыдов, мой самый близкий друг в училище. – Кого из нас хотят сделать – петровских потешных солдатиков? Зачем нужны эти глупости? Уверен: все это вовсе не нужно на войне!

Тот же вопрос Юрка задал на очередной встрече с комиссаром. Комиссар объяснил нам, что строевая подготовка, особенно в военном училище, полезна: она дисциплинирует, помогает каждому почувствовать себя солдатом, вырабатывает определенную сноровку, закаляет физически и подготавливает к тому, чтобы выдерживать трудности солдатской жизни, особенно – большие марши.

– Вот и получается, что на передовой – своя «шагистика», как вы выражаетесь, – заключил комиссар. – Так что строевая подготовка – дело необходимое.

Никто комиссару не возразил. Но Юрка не изменил своего мнения. Позднее он привел мне слова Тимошенко, нового наркома обороны, назначенного вместо снятого после Финской кампании Ворошилова: «Каждый солдат должен овладеть строевым шагом, как своей логикой».

– Ну скажи: не идиотизм? – возмутился Юрка.

Однако продолжим. Со строевой, промерзшие и голодные, возвращаемся в казарму. Первое: бегом в туалет. Затем – строем в столовую. Обед! Суп – традиционно – гороховый, картофельный или перловый. Повара в училище отменные! Но добавки просить нельзя! За супом следуют котлеты с макаронами и компот из сухофруктов. На все полагается два ломтя хлеба. Уминаем все за семь-восемь минут. Больше тратить времени не позволено. И уже звучит:

– Шевелись! Раз, два, три!..

Строем в казарму. Бросаемся на койки – час на отдых. Самое блаженное время!

После «мертвого часа» до вечера – опять занятия: боевая подготовка, тактика, топография, изучение средств связи. Разбираем и собираем винтовку и пулемет. Командиры отделений следят по часам за каждым – кто за сколько управится. Чистим личное оружие.

Два дня в неделю – стрельбы. Стреляем по макетам и мишеням из винтовок и пулеметов. Один день в неделю – в любую погоду – выход на местность: принятие самостоятельных решений в бою, на марше, работа с полевой картой и т. п.

Ужин. Строем быстро идем в столовую. На столах, тоже «в строю», ждут тарелки с кашей – гороховой, пшенной, иногда гречневой, десять граммов масла, два ломтя хлеба и два кусочка сахара на кружку (хочешь еще чая – пей пустой). Скверно выходило, когда наедались гороховой каши, – считай, половина ночи пропала.

После ужина – занятия по тактике, два раза в неделю, и политзанятия – через день.

Самым худшим, как оказалось, были не шагистика и не зубрежка уставов, а политзанятия. Кто-то верно назвал их «похороны с почетом» – три раза в неделю мы «хоронили» с почетом время, убитое на занятия с политруком, заместителем комиссара. Весь какой-то странный – рыжеватый, маленького роста, с брюшком, что, нам казалось, недопустимо в армии, по виду он напоминал бочонок с пивом. Это был человек с образованием, но тупой и безликий. Всегда напряженный, часто вытирал платком пот со лба. Казалось, все, что он делает, дается ему с трудом.

В том, что он говорил на занятиях, правда перемешивалась с ложью. Чего было больше – сказать трудно. Половина времени уходила на чтение выдержек из речей и приказов наркома обороны Сталина. Кто-то из ребят подсчитал, что в среднем приходилось по десять цитат на занятие: значит, в неделю – тридцать, а в месяц – сто двадцать. Вот и прилепилось к политруку прозвище «вонючий цитатник». Единственная польза от его занятий – рассказы о событиях на фронте. Правда, многие новости мы узнавали раньше его. К сожалению, и на фронте я часто встречал подобных политруков-болтунов – тупых и далеких от солдатской души, живых человеческих чувств.

После тяготы политзанятий наступал наконец наш самый долгожданный и любимый час – час до отбоя! «Час свободы», как называл свободное время Юрка Давыдов. Всего шестьдесят минут – а успеть нужно так много! Написать домой, что-то пришить или зашить, послушать радио, прочитать свежую газету, если есть в Ленинской комнате; сыграть хотя бы одну партию в шахматы, обсудить положение на фронте – сердце замирало, когда слышал: «Сегодня наши войска оставили город...» Для чтения остаются считанные минуты.

Двадцать два часа. Очередной учебный день окончен. Вся казарма – на койках. Постепенно затихает шум. Наступает ночная тишина. Но так только кажется. После ухода командиров и старшины вступает в свои права ночная жизнь. Картежники с азартом принимаются за игру, кое-кто играет в шашки. За полночь следует очередной каскад анекдотов. Анекдотчиков среди курсантов пруд пруди. Главные герои многих анекдотов – Абрам и Сарра, большое место занимают и военные персонажи; но больше всего – анекдотов скабрзных и сальных.

Однажды, не выдержав, поднялся с койки ленинградец Женечка, миролюбиво обратился к анекдотчикам:

– Неужели вы не понимаете, что это гадость?

Все смолкли. Только один визгливый голос раздался с мест, где лежат «казаки» и Феденька:

– Заткнись ты, баба в штанах!

Но вот уже из разных углов звучат призывы:

– Ну хватит ржать – животы надорвем, а завтра стрельбы.

Ночной карнавал затихает. Казарма погружается в сон.

А в 6.00, как обычно, гремит голос старшины:

– Подъем! Шевелись!..

Юра Давыдов и «дядя Степа»

В первые дни ротный назначил меня командиром отделения. Одну неделю я прокомандовал, а дальше курсанты сбросили меня с пьедестала; протестовал только один – Юра Давыдов.

«Бунт на корабле» затеяла «великолепная шестерка». Их, приехавших из донских станиц, во взводе все звали «казаками». Попад в училище, они претендовали на особое положение, вели себя как полублатные, часто называли себя «братвой», всех задирали. Особенно доставалось командиру взвода – по делу и без дела, чего я часто не понимал. По культурному уровню и образованию эти казаки недалеко ушли от нашего лейтенанта. Как они попали в училище – не понятно: большинство не имело среднего образования. Очевидно, какой-то местный военный чиновник решил, что «война все спишет», – в те годы расхожая фраза. Жить с ними в казарме было сложно. Дерзкие, грубые, отчаянные, к тому же картежники и мелкие воришки (не сомневаюсь – это кто-то из них стащил мой первый рабочий заработок, привезенный из дома).

Тем больше я ценил отношения с Юрой Давыдовым. До сих пор обидно, что общаться нам довелось только в училище, фронтовые дороги быстро нас развели. Он трагически погиб в январе сорок пятого, я еще расскажу об этом. Отличный был парень, умница, начитанный, с врожденной интеллигентностью.

Родом он был из Челябинска, вырос в рабочей семье, отец – мастер-сталевар, и сам Юрка – парень-крепыш. Оба мы любили читать, что сближало. Общение с ним, обсуждение книг, жизненных вопросов, литературные споры – все это выделяло его в казарме и привлекало меня. С ним было интересно. Я обратил внимание на одну особенность Юркиного характера: он легко усваивал то, что ему нравилось, было интересно, и так же легко отторгал от себя все чуждое или, как он считал, бесполезное.

Особые способности он проявил к картографии, а уж в обычной полевой карте разбирался запросто, чему многие из нас так и не научились. Ему единственному преподаватель поставил пятерку, предсказав блестящую командирскую карьеру. Обалдевшие казаки решили устроить ему «темную», но передумали – вмешался Шурка, о котором я уже упоминал и еще расскажу.

Кстати, о картографии. Месяца через два после начала занятий один из курсантов раздобыл где-то небольшую цветную карту Советского Союза и, повесив в Ленинской комнате, стал отмечать на ней карандашом линию фронта. Выходило, что все складывается не в нашу пользу. Карта вызвала все больше споров и разговоров среди курсантов. «Картографа» вызвало начальство для объяснения. Через неделю его отчислили из училища, отправили на фронт. Исчезла и карта. Произошедшее все восприняли молча, но оно заставило многих задуматься и лучше понять, «что такое хорошо и что такое плохо».

Кроме Юрки, в батальоне служил еще один Давыдов – Степан, «дядя Степа», как нередко называли его курсанты. Не ошибусь, если скажу: во всем батальоне никто не был так приспособлен к военной профессии, как Степан – словно он создан был только для нее! Наверное, таких, как он, набирали в военные училища в мирное время.

Степан был старше нас всего на два года, но по поступкам, разговору казался намного взрослее. Пожалуй, никто из нас не был так готов к самостоятельной жизни, как он. За что бы ни брался «дядя Степа» – он все делал легко, быстро, а главное, испытывая какую-то внутреннюю радость, которая обычно захватывала и других. Эту радость нетрудно было уловить на его крепком открытом мужицком лице. Стрелял он – превосходно, изучил оружие – превосходно, знал уставы – опять-таки превосходно.

Нас удивляли сознательность Степана, его требовательность к себе и серьезное отношение к военному делу. Как-то мы спросили, в чем его секрет, – он, улыбнувшись, ответил:

– Никакого секрета. Есть два условия, им я всегда следую и вам советую. Как следует учиться воевать и стараться беречь друг друга. Чем лучше мы научимся воевать, тем успешнее станем это делать на фронте. А бережно относясь друг к другу – будем беречь и солдатские жизни.

Вот такая жизненная философия. Она убеждала, ей старались следовать многие курсанты.

Никто не помнил случая, чтобы Степан отказал кому-то в помощи. Особенно трудно давалась нам разборка и сборка пулемета за строго определенное время – тут Степан был незаменим. То же и на марше. А перед маршем учил, как к нему готовиться. Его считали лучшим курсантом батальона. Точная оценка. Степану Давыдову первому – досрочно – присвоили звание старшего сержанта и доверили командовать взводом.

Лейтенант Артур

Наш взводный Артур – личность пренеприятная. Если вообще можно назвать подобного человека личностью. Более злого и мстительного существа я не встречал.

Несколько фактов из его биографии. Когда в 1940 году Красная Армия пришла в Эстонию и «освободила» народотбуржуев, всех офицеров старой эстонской армии, кто не успел вовремя скрыться, отправили в отставку – попросту выгнали. Часть их потом расстреляли, остальных отправили в Сибирь. Новая власть приступила к формированию Рабоче-крестьянской Красной Армии (РККА). Артур был сыном батрака, поэтому смог закончить краткосрочные армейские курсы на уровне полковой школы, вскоре стал лейтенантом и был поставлен командовать солдатами-эстонцами. Незадолго до начала войны эстонские части вывезли в Россию и сформировали из них строительные батальоны, которые долго не пускали на фронт, пока не появились национальные части.

Как попал Артур в училище – загадка. Он был начисто лишен понимания простых человеческих чувств, не говоря о сострадании. Полуграмотный, малокультурный человек, он не мог, а скорее не желал понять нас – что мы тоже люди, к тому же молодые, и можем любить, радоваться, шутить, смеяться, иметь какие-то личные интересы. Все это было для него не просто глубоко безразлично, но вызывало злобное раздражение.

Один из курсантов на вечере, посвященном Дню Красной Армии, познакомился в клубе с девушкой и проводил ее до дома. Несколько раз он просил об увольнительной. Безрезультатно. Помог случай. Как оказалось, мы несли караульную службу недалеко отулицы, где жила девушка, и однажды отпустили влюбленного караульного на один час. Но кто-то донес, и мстительный взводный отправил парня на гауптвахту. (Мне тоже как-то пришлось отсидеть там три дня за поломку лыж.)

К слову. Как же донимали нас ночные караулы! Обычно мы охраняли армейские вещевые склады, расположенные в заброшенных церквях. Караульная служба не освобождала от учебы, поэтому целый день потом ты клевал носом. Я как-то не выдержал, легонько вздремнул на занятии, и тут же сон утомленного солдата был потревожен, – схлопотал от Артура наряд вне очереди.

С первой же встречи взвод невзлюбил командира, а он – нас. С утра до вечера он муштровал нас, не делая никаких скидок на юность, неопытность, неприспособленность к казарме. Командир, как мы понимали, – это прежде всего наставник, старший по званию товарищ, которому верят, которого уважают, за которым готовы идти в бой. Лейтенант же был твердо убежден, что между командиром и курсантом не существует никаких внеуставных, человеческих отношений. Его никогда не посещала простая мысль, что своим хамством, топорными выход-

ками, грубостью, граничащей с издевательством, он унижает курсантов, подавляет в нас личность.

Однажды, не заметив приближения лейтенанта, я не отдал ему честь. Он немедленно приказал мне лечь на обледенелую землю и заставил ползти по-пластунски двести метров. Подобные шутки этот дикарь проделывал не только со мной. Но я на следующий день захворал. К вечеру стало совсем худо, и я попросил разрешения сходить в санчасть. Лейтенант взглянул на меня своими рыбьими глазами и отказал, мало того, еще прочел целую лекцию:

– Как ты собираешься воевать? Бегать с передовой в медсанбат всякий раз, когда заболит пальчик? Выпей стакан холодной воды с солью, и болячка пройдет. Ты солдат или баба?!

Утром я не вышел на зарядку и отказался от завтрака, залег на койку, решил: будь что будет! Шурка принес из столовой кружку горячего чая. Советовал начхать на Артура, обратиться к ротному, тот разрешит.

Комроты Ковальчук

Командир роты старший лейтенант Ковальчук, кадровый военный, был человек совсем иного склада и более мягким, уважительным к нашему брату. У него для каждого хватало времени и человечности. Он часто приходил в казарму, проверял, как мы усваиваем военное дело, интересовался, пишем ли мы родным, какие вести приходят из дома. Звали его Юрий Сергеевич. Он проводил с нами занятия по тактике. Не ограничиваясь учебным материалом, он насыщал лекции конкретными примерами из опыта Гражданской войны – анализировал успехи и неудачи Красной Армии. В училище он попал с Дальнего Востока, где воевал на Халхин-Голе и был награжден орденом Красной Звезды. Этот орден он всегда носил на установленном месте гимнастерки – видно было, как он гордится наградой.

Сегодня, думая о тех занятиях по тактике, понимаешь, насколько они были примитивны. Лекции не касались опыта текущей войны – ни анализа неудач сорок первого, ни характеристики действий противника, ни разбора успешного контрнаступления под Москвой. Занятия проходили интересно, но в голове после них оставалась пустота – это были популярные рассказы о том о сем и ни о чем. А я, будущий командир, желал четко знать, как мне, командиру взвода, а может, и роты, действовать в бою, в поле, на марше, в городе; как командовать и вести себя с солдатами; как взаимодействует пехота с танками, артиллерией, как работать со связью; я хотел знать особенности противника – каким оружием он владеет, какими методами и средствами с ним лучше всего бороться. После разгрома немцев под Москвой наверху даже не сообразили прислать захваченную немецкую технику в училище для изучения.

Когда Ковальчук днем зашел в казарму и застал меня лежащим на койке в неположенное время, он сразу поинтересовался, в чем дело. Я объяснил и попросил разрешения сходить в санчасть. Он позволил, но посоветовал долго не залеживаться.

Почти пять дней я пробыл в санчасти. Когда вернулся в казарму и доложил взводному о прибытии, он набросился на меня с грубой бранью, с презрением назвал «хлюпиком» и лишил двух свободных часов, не имея на то права.

После этого милого разговорчика ко мне подошел Юрка:

- Научись управлять собой, не позволяй скотине придирается к тебе.
- Да уж, легче всего давать советы! А как это сделать?!

– Знаешь, если лейтенант прикажет ползти – я поползу. Если прикажет стрелять – буду стрелять. Но я не мыслю стать таким, как он. Да и солдаты на передовой терпеть подобного кретина не станут ни одного часа. В этом я уверен.

Димка Окунев – «бравый солдат Швейк»

Любимцем взвода стал Димка Окунев – он отомстил лейтенанту за нас всех!

Кто-то называл Димку «придурком», кто-то «циркачом». Изменить стиль его поведения пытались многие, но ничего не получилось, даже Артур не смог переломить характер парня. Сколько он получил взысканий, точно не помнил даже сам Димка.

Поначалу я слышал только байку о Димке – «бравом солдате Швейке». Впервые сам увидел, как изящно Димка разыгрывает свою обычную сценку, во время его конфликта с ротным старшиной. Старшина заставил курсанта трижды перестилать койку. Димка встал по стойке «смирно», козырнул и четко произнес свой монолог:

– «Осмелюсь доложить, товарищ старшина, у нас в Чешских Будейовицах произошел такой же случай...»

Старшина, ничего не поняв, еще больше разозлился, закричал:

– Я тебя, артист, так приложу (это его любимое словцо)! Научишься как положено отвечать старшему по званию!

Димка, не отнимая руки от виска, опять за свое:

– «Осмелюсь доложить, товарищ старшина...»

Казарма хохотала. Старшина весь покраснел: он понял наконец, что это спектакль, его разыгрывают, посчитал, что речь идет об авторитете, и решил спустить дело на тормозах:

– А ну тебя, «бравый солдат», заткнись! Здесь тебе не цирк, а казарма. Вот доложу лейтенанту – он быстренько сделает из тебя настоящего бравого солдата. Надо же, придумал какого-то еврея Швайцера.

Все знали, что старшина ничего не сделает: он любил пошуметь, а на самом деле человек был не вредный, и, может, сам уже понял, что смешные повадки делают жизнь приятнее. Много на своем веку повидал он нашего брата, многих и на фронт проводил, включая собственного сына.

Наступил день показательных стрельб батальона. В первый день стреляли из винтовки, во второй – из пулемета. Речей, бесед и разговоров на этот счет было много, как и тренировочных стрельб. Лейтенант поначалу решил нескольких слабаков выдать за больных, оставить в казарме, но в последнюю минуту испугался задуманного и привел взвод на стрельбище в полном составе. Стреляли по десять человек из каждого взвода, но отбирал стрелков заместитель комбата. Когда объявили общие результаты, Артур готов был застрелиться – наш взвод занял одно из последних мест. Лейтенант понимал, что произошло. Ведь на учебных стрельбах курсанты, кого отобрали (я в их число не попал), стреляли прилично. Все ждали – что будет?

Артур не застрелился. А вскоре его постиг еще один удар. Подвернулся случай, которого мы все так нетерпеливо ждали.

23 февраля всех курсантов собрали на плацу, и начальник училища зачитал приказ Верховного Главнокомандующего. Как забыть последние слова приказа: «Всей Красной Армии добиться того, чтобы 1942 год стал годом окончательного разгрома немецко-фашистских войск и освобождения от гитлеровских мерзавцев». «Ура! Превосходно!» – раздавалось в душе каждого; мы верили Сталину и мало задумывались, осуществим ли его приказ, слышались даже разочарованные голоса: «Значит, не успеем попасть на фронт? Война закончится без нас?..» Война, как известно, продолжалась еще долгие три с половиной года, и лишь в начале сорок третьего, под Сталинградом, забрезжила первая заря надежды, ошеломившая не только Германию, но и весь мир.

В ту ночь, как обычно, курсанты взвода несли караульную службу. На своей точке Димка стоял один. Вдруг в темноте за деревьями мелькнул силуэт человека. Димка заметил и не оплошал, скомандовал, как положено по уставу:

– Стой! Кто идет?! Пароль!

Ему не ответили. Тогда Димка снял с плеча винтовку, клацнул затвором и, исполняя обязанности часового, заорал:

– Стреляю в воздух, затем в тебя! Считаю до трех!

Силуэт отозвался:

– Не дури, Окунев! Это я, ваш лейтенант. Убери винтовку и вызови начальника караула. Командир взвода двинулся прямоком на Димку, который тут же положил его в снег.

– Как же я сплеховал, – огорчился лейтенант, – не выяснил пароль. Надо знать этих мерзавцев...

Время тянулось медленно. Прошло минут двадцать. Димке хоть бы что – в длинном кожаном пальто, валенках, меховой шапке. Зато лейтенанту, в сапогах, каждая минута на замерзшей земле казалась часом. А курсант все держал его под прицелом, не желал звать караульного.

– Вызывай начальника караула, Окунев! – закричал Артур. – У меня замерзают ноги!

Димка в ответ:

– Молчать! Надо знать устав караульной службы! – И вдруг: – «Осмелюсь доложить, товарищ лейтенант, у нас в Чешских Будейовицах был похожий случай...»

Лишь исполнив свою любимую сценку, «бравый солдат Швейк» разрешил Артуру подняться и убраться к чертовой матери.

Вот так обернулось для ревностного командира взвода желание проверить своих подчиненных.

На следующий день казарма торжествовала, а Димка стал всеобщим любимцем и героем.

Женечка

Чаще, чем ко всем, Артур придирался к Женечке. В этом случае предела вывертам его злобного ума не существовало. Курсант же, стиснув зубы, беспрекословно выполнял любые приказания командира.

Почему курсанты называли Женю Ивлева – Женечкой? В этом проявлялась благородная способность к сочувствию. Рота знала его историю: за два месяца он потерял всех – мать, сестренку, отца и деда, остался совсем один.

Женечка – это вообще особый случай. Семнадцатилетний ленинградский мальчик. О таких, как он, сегодня сказали бы: типичный акселерат. Высоченный – казалось, встань он на табурет – доберется до казарменного потолка своими тонкими длинными руками. Стройный, с красивым, добрым лицом – и лицо это чаще улыбалось, чем хмурилось, этот статный мальчик родился, чтобы танцевать на балах, а время заставило его стать солдатом. Когда Женечка шел по плацу – не резкой солдатской походкой, а плавно, царственно, красиво – это раздражало сержантов; «гражданка» так и сквозила во всем, не только в походке, но в манере держаться, даже в форменной одежде. Мы же, глядя на столь удивительное явление, получали двойное удовольствие.

Иногда по ночам Женечка втихомолку плакал, о чем знали лишь соседи по койке. Судьба его семьи, как и тысяч других ленинградских семей, оказалась трагичной. За две недели до войны его мать с маленькой сестренкой уехали в Крым и пропали. Отца забрали в армию, и, защищая Ленинград, он погиб под Колпином. Женя остался с дедом, который не выдержал и месяца блокады.

В армию Женю не взяли: ему только исполнилось шестнадцать. Чем он только не занимался в те суровые дни, чтобы добыть спасительный хлебушек. Таскал ящики в порту, убирал на улицах трупы, помогал отправлять на фронт снаряды, работал в молодежных группах с детьми-сиротами, которых в осажденном врагом городе становилось все больше. Горком ком-

сомола направил Женю в госпиталь санитаром. Он выполнял свои обязанности добросовестно, и ему разрешили (он попросил) жить при госпитале.

Случай помог ему выбраться из блокадного города. Сталин приказал вывезти из Ленинграда около десяти еще остававшихся там академиков с их семьями, за ними прислали «дуглас». Некоторым ученым, старым, больным и одиноким, понадобились сопровождающие. Начальник госпиталя, желая спасти мальчика, устроил его помощником к одному из стариков. Женя согласился, так как надеялся, что с Большой земли легче будет разыскать мать и сестру.

Подопечным Женечки оказался в прошлом знаменитый ученый, а теперь – больной, хромой и полуслепой старик, но с ясной головой. С первой встречи они понравились друг другу. Через несколько дней прилетели в Куйбышев, и первое, что сделал Женя, – написал и отправил письма, куда только можно, всем, кто имел хоть какое-то отношение к поискам пропавших в неразберихе перемещений начала войны. Он верил, что найдет своих близких.

Около месяца старик и юноша дружно прожили в Куйбышеве. По вечерам садились за стол, и ученый часами рассказывал своему благодарному слушателю о «Слове о полку Игореве», о великом русском историке Николае Карамзине, о пушкинском окружении.

– Целые эпохи русской истории с ее лучшими именами представляли как наяву, – рассказывал нам с Юркой Женечка. – Это было чудо! А стихи из уст старика лились бесконечно, словно прямая речь...

До войны Женя мечтал поступить в Ленинградский университет, и вот мечта его сбылась: Андрей Павлович, известный академик, был и в единственном числе – как целый университет и читал ему, одному, полноценный курс лекций!

Увы, их занятия скоро закончились. В декабре Женю призвали в армию. Академик пытался что-то сделать, добиться отсрочки призыва, но ему быстро прислали взамен медсестру, сказав: «Мужчины сегодня нужнее на фронте».

– Какой я солдат, – говорил Женя, – даже шинели не нашлось мне по росту.

Между тем однажды он спас мне жизнь. Во время марша я нес за спиной на лямках шестнадцатикилограммовую плиту от 82-мм миномета. Когда переходили по бревну узкую речонку, я, поскользнувшись, потерял равновесие и свалился в воду. Только чудом стальная плита не переломила мне позвоночник. Спас меня шедший следом Женечка, – этот высоченный парень с длинными руками мигом сложился вдвое, изловчившись сорвал с моих плеч лямки и в мгновение оттолкнул плиту.

Восстановив ряды, двинулись дальше. Выручили товарищи, с разрешения командира забрали у меня плиту, дали сухую тряпку – подложить под мокрую шинель, кто-то поменялся со мной шапкой. Вернулся я в казарму весь сырой и заledenевший. Сразу надел сухое белье, перемотал портянки, растерся докрасна полотенцем – и все обошлось. Случись такое еще пару месяцев назад...

Учился Женя хорошо. Он никого ни о чем не просил, старался сам дойти до всего, был скромнен, предельно вежлив и отзывчив. Единственное, о чем он просил дневальных, – послушать в десять утра передачу «Поиск». В то тяжелое время радио взяло на себя благородный труд поиска пропавших – Женечка каждую неделю отправлял туда письмо и все ждал ответа. Вечером он спешил в Ленинскую комнату в надежде услышать по радио выступление ленинградской поэтессы Ольги Берггольц. Когда раздавался ее хриловатый низкий голос, парень весь сжимался, на глазах выступали слезы. Однажды я стал одновременно и слушателем Ольги Берггольц, и свидетелем его душевного состояния. Поэтесса в тот вечер читала удивительные стихи! Я запомнил всего одну строфу:

В грязи, во мраке, в голоде, в печали,
Где смерть, как тень, тащилась по пятам,
Таковыми мы счастливыми бывали,

Такой свободой бурною дышали,
Что внуки позавидовали б нам.

Женечка одними губами повторял за ней стихотворные строки. В этот момент вошел комиссар. Подошел к Жене, обнял его:

– Сынок, нельзя плакать. Ты же солдат.

– Да, да, – ответил Женечка. И, как маленький, прошептал: – Больше не буду.

Между тем чем дальше, тем больше комвзвода не баловал Женечку, напротив, всякий раз старался его унижить. Если нас он наказывал одним нарядом, то Женечка за ту же провинность получал два. Он посылал курсанта на самые неприятные работы – чистить конюшни или отхожие места, причем в то время, когда все обедали, поэтому тот оставался голодным. Поговорили с комиссаром. Вроде бы Артур присмирел. Но потом опять взялся за свое. Теперь он изобрел новый метод издевательства: ставил того, кто, как он считал, провинился, по стойке «смирно» и читал ему лекцию, которая в основном состояла из ругани и хамства. Самое невинное в наш адрес: «Не трясись, курсант!» – любимое выражение Артура. Или: «Вы отрицательный элемент нашего взвода!» После столь унижительных экзекуций ты чувствовал себя пришибленным, долго не мог прийти в себя.

Особенно Артур разозлился на Женечку после произошедшей между ними стычки. Артур о чем-то спросил Женечку, тот начал отвечать:

– Я думаю...

Лейтенант взъерился:

– Кто вам разрешил думать?!

Курсант не выдержал подобного идиотизма:

– Я сам разрешил!

Услышав ответ курсанта, лейтенант осекся. Понял, что сморозил что-то не то, но признаться в этом даже себе не захотел.

В один из дней, когда мы вернулись со стрельбища и только собрались на обед, Женечка свалился на пол и несколько минут пролежал без сознания. В другой раз рота была на длительном марше – Женечка не прошел и половины пути, пришлось отправить его обратно в казарму.

Артур воспользовался этими случаями и написал рапорт на имя командира батальона об отчислении Женечки из училища и отправке на фронт рядовым. Командир батальона дал рапорту ход. Высшее начальство распорядилось иначе. Прежде всего оно запросило мнение врачей. Те объяснили случившееся с курсантом общим истощением организма, подорванного в блокадном Ленинграде, и недостаточным питанием в училище. Начальник училища распорядился ежедневно дополнительно выдавать Женечке из своего резерва стакан молока, сто граммов хлеба, тридцать граммов масла и три кусочка сахара.

Женечка часто отворачивался от нас, когда пил молоко или вторую кружку сладкого чая. В казарме, солдатской столовой и в бане все равны, так принято в армии, и Женечка предлагал поделиться с нами, но не помню, чтобы кто-то кланчил у него хоть полкусочка сахара. Через какое-то время, ближе к весне, он повеселел. Но полностью так и не оправился до самой отправки нас на фронт. На то была своя причина: никаких известий о родных он все еще не получил.

По мере того как таяла надежда, Женечка все чаще старался уединиться, стал более раздражительным, замкнулся на одной мысли – о родных, она не оставляла его ни днем ни ночью. Юра второй раз поговорил с комиссаром. Тот посоветовал не трогать парня:

– Что вы от него хотите, он совсем еще мальчик, и за короткое время пришлось столько испытать. Надо дать ему окрепнуть морально, физически. Главное, он не должен сломаться, присматривайте за ним, мало ли что бывает.

Я пытался понять, почему Артур больше всех невзлюбил Женю. Думаю, причина одна: Женя был истинный интеллигент. Во всем. Таких людей я много встречал среди ленинградцев, в отличие от москвичей, среди которых, увы, редки подобного типа люди. Говорю в порядке самокритики, я тоже москвич.

Шурка

Расскажу о Шурке. Сам он был из казаков, хотя в училище держался собственной линии. Койка его была над моей. Поначалу он встретил меня ни так ни сяк. Я обратился к нему по-доброму: «Здравствуй». Он холодно ответил: «Мое». Я не понял, подумал: может, обижен, что я занял нижнюю койку? Но моей вины тут не было никакой: где кому спать, определил старшина. Предложил Шурке обмен койками, он отказался, вернее, никак не отреагировал. Отношения с ним налаживались трудно и потеплели внезапно. Мы сбрасывали снег с крыши казармы; Шурка, вроде бы крепкий, опытный парень, поскользнулся и полетел вниз с третьего этажа. Ему повезло, он угодил в огромный снежный сугроб. Но все-таки растянул ногу и больше недели пролежал в госпитале, я несколько раз его навестил.

Когда Шурка вернулся, чуть прихрамывая, и представил взводному бумагу об освобождении на две недели от строевой подготовки и стрельб, Артур назвал его симулянтом. Я встал на защиту, постарался объяснить лейтенанту, как все было. Он прикрикнул: «В армии не заступаться! Командир знает!» Но меня поддержал взвод.

После этого случая я стал замечать, что Шурка постепенно меняет свое отношение ко мне. Он подобрел, старался помочь там, где я не справлялся на занятиях. С первых дней в училище стало понятно, что с техникой я, как говорится, на «вы». Заметив, что мои неловкие пальцы во время сборки карабина не добираются и до курка, Шурка немало со мной повозился, пока у меня не стало более или менее хорошо получаться. После чего заставил меня поцеловать ложе карабина – в знак взаимной дружбы с оружием.

Мы часто беседовали с Шуркой, иногда он задавал вопросы, как бы проверяя меня:

– Почему в столице магазины набиты жратвой, а в станицах у магазинщиков – больше водка да папиросы? – Или: – Видел ты Сталина? Говорят, он маленького роста и рябой, не такой, как на портретах малюют.

Попробуй ответить честно на такие вопросы! Про Сталина я сказал так:

– Сталина я не мог видеть, мы жили в Харькове. Зато я видел всеукраинских вождей – Косиора, Постышева, Петровского. В то время Харьков был столицей Украины, и на Первомайском празднике они стояли на трибуне. А я тоже там был, стоял на трибуне.

– Это как же? – удивился Шурка.

– Мы жили в знаменитом доме № 116 на Сумской улице, соседом нашим был старый большевик Шлейфер, он взял с собой на трибуну сына, ну и меня заодно.

– Сколько тебе было?

– Десять. Еще в тот день я видел знаменитого пограничника Карацупу с его Джульбарсом, немецкой овчаркой. Сам понимаешь, они тогда интересовали меня гораздо больше, чем вожди.

– А почему ты называл свой дом знаменитым?

– Это самый красивый дом на главной улице Харькова, его построил архитектор из Германии. Этот архитектор, тоже наш сосед, влюбился в русскую женщину. После окончания контракта он попросил советское гражданство, и они поженились. Но очень скоро его жена погибла. Она любила кататься на велосипеде по Сумской – тогда на весь город велосипеды имелись, может, у десятка счастливиц, и на нее наехал грузовик. А немца арестовали в тридцать шестом, мы его потом не видели.

Я как-то спросил Шурку, почему он не участвует в «баловстве» своих товарищей? В ответ он только махнул рукой: «Пацаны!» Нередко он молчал, – видимо, что-то затаенно обдумывал,

переживал. Много курил. Самое же для меня главное, он пытался оградить меня от козней своей братвы, за что я благодарен ему до сих пор.

Описание моей жизни в эти четыре месяца в училище будет неполным, если не рассказать о встрече с одной удивительной девушкой по имени Зина.

Зина

Нас учили науке воевать и побеждать противника, но я так и не понял, как это можно осуществить, если мы не прочитали ни одного военного учебника или хотя бы пособия. Вся учеба строилась в основном по принципу: делай, как я. А если предложишь свое, в ответ услышишь: «Не умничать! Выполнять приказ!»

С трудом, но я все же добился права раз в две недели за счет личного времени, то есть в «час свободы», посещать библиотеку. Библиотека училища обслуживала в основном командный состав и их семьи – от меня потребовали написать рапорт на имя командира батальона и согласовать его решение с комиссаром и командиром роты. «Обязуюсь никаких выписок из книг не делать, – значилось в стандартной форме рапорта. – Если прочту что-то непонятное, обращусь к комиссару».

Получив разрешение, исполненный радости, я, не мешкая, отправился в библиотеку. Между прочим, это было впервые в жизни, и я был полон любопытства: какая она, эта библиотека, как там хранятся книги, как их разыскивают среди многих, многих других?..

И вот я переступил порог библиотеки.

За маленьким столиком сидела приветливая девушка в форме старшего сержанта. Лет двадцати трех, не старше. С короткой стрижкой и симпатичным лицом. Звали ее Зина, так обратился к ней пришедший до меня читатель. Пока они беседовали, я оглядел длинные ряды книжных полок. Книги, как часовые, застыли в четком строю, словно охраняя свою хозяйку.

Наконец мы остались одни. Я попросил разрешения обратиться, Зина рассмеялась:

– При посещении библиотеки советую вам забыть о субординации, я признаю неуставные отношения, так проще.

– Зина, поверите ли, я первый раз в жизни попал в библиотеку! Столько книг! Какое богатство, просто чудо!

– Совсем недавно книг было гораздо больше, – откликнулась девушка.

– Куда же они подевались? Их что, крысы съели?

– Хуже. Крысы – с человеческим лицом.

Ничего себе откровенность! И с первой же встречи! Я замолчал, понимая, что ступил на минное поле. Притихла и Зина, пристально глядя на меня. Надо срочно переменить тему! И я затархтел:

– По мере того как продолжается война, печать все чаще сравнивает нападение Гитлера на СССР с походом Наполеона. После окончания училища, когда я попаду на фронт, мои солдаты непременно спросят меня об этом. Вы не порекомендуете мне хорошую книгу о войне 1812 года?

Зина поглядывала на меня, словно изучая:

– Вижу, вы курсант необычный, мыслящий. Это хорошо, библиотекари ценят таких читателей.

Она поднялась со стула, юркнула в глубь книгохранилища и вскоре вернулась с книгой в красочной обложке:

– Вот, пожалуйста, это роман Виноградова «Три цвета времени» – лучшая книга о войне 1812 года. Советую прочесть. Вы познакомитесь и со Стендалем, его личными впечатлениями о походе Наполеона в Россию, – Виноградов много его цитирует. – Как видно, она кое-что прочла на моем лице и добавила: – Стендаль был участником этого похода.

Я покраснел.

– О, вы еще не разучились краснеть, курсант, – моментально среагировала Зина. – Приходите, буду вам рада.

Она все поняла. О Стендале в то время я знал лишь понаслышке, а точнее, слышал это имя в доме родителей, сам же больше увлекался Уэллсом, Майном Ридом, Купером, конечно – Дюма и Жюлем Верном.

Меня взволновало общение с Зиной, и через две недели я снова пришел в библиотеку. Когда мы ненадолго остались вдвоем, Зина вдруг попросила меня рассказать о себе. Я удивился: зачем ей моя биография? Но не стал ломаться, исповедался, стараясь быть покороче: о маме, отце, его аресте в тридцать седьмом и как потом к нам пришли с обыском ночные прищельцы:

– Они забрали два мешка документов и книг, почему-то искали книги, вышедшие до 1933 года. Забрали и редкие книги, особенно было обидно за роскошный пятитомник Пушкина. Папа тогда, как и многие ответственные работники, ежемесячно получал талоны на бесплатное приобретение книг. Он закончил начальную школу, но стал высокообразованным человеком, так как много читал. А те запихали наши книги в мешки и унесли. На следующий день я аккуратно снял с дверей папиного кабинета сургучные печати и вытащил оттуда лучшие из оставшихся книг. Потом пошел в соседний дом, где жил один из тех незваных гостей, и пожаловался на плохо сделанные печати, якобы они разломались. Этот тип чуть не спустил меня с лестницы, но все же кто-то из них пришел и поставил новые печати.

Этот случай показался Зине забавным, она залилась смехом:

– Ох, какой ты герой, курсант, сколько же тебе тогда было?

– Около пятнадцати.

– Стендаль был прав: «Юность – время отваги!» – Она произнесла это приподнято и погрозила пальцем: – Наверное, зря, курсант, тебе разрешили посещать библиотеку.

Опять мы оказались на минном поле. Вероятно, ей нравилось расспрашивать курсантов, узнавать наши литературные пристрастия, пытаясь понять, кто перед ней.

– А сейчас папа работает начальником большой стройки в Кыштыме, оттуда я и приехал в училище, – закончил я свой рассказ.

– Да, слава богу, крысы с человеческим лицом не съели твоего отца, – с сочувствием сказала Зина. – Посчастливилось тебе, курсант.

На этом мы расстались. Но я уже точно знал, что обязательно опять приду в библиотеку.

Юлик Герц. Саша Пушкарев

Как могли принять Юлика в училище?! Близорукий, без очков ни на шаг, лишь на ночь он укладывал их отдохнуть на тумбочке возле койки. Худощавый, с впалыми щеками. С носом, похожим на клюв цапли. Мешковатый. В строю он казался случайным человеком. И поразительно! Как ни пытался Артур – с первых же дней! – задавить парня, курсант не поддавался. Больше того, Юлик оказался старательнейшим из старательных, любой приказ взводного выполнял быстрее других – всегда пунктуально и точно.

Несмотря на сильную близорукость, Юлик прилично овладел всеми видами оружия, стрелял по мишеням не хуже других, успевал в строевой подготовке, а в уставах стал первым. Любые сложности в отношениях с командиром, и не только с ним, он превращал в шутку, мгновенно находя слова, гасившие раздражение. Как-то, еще вначале, Юлик вовремя не поприветствовал взводного, и тут же получил втык:

– Курсант Герц, – набросился на него Артур, – я вас заставляю отдавать честь всем столбам подряд!

Юлик улыбнулся и ответил своей любимой фразой:

– Мысль, не лишенная смысла.

Однажды «очкарик», как его именовали курсанты, не явился на утреннюю зарядку. Вечером узнали, в чем дело. Оказалось, проснувшись, он не обнаружил на тумбочке очков. Старшина обратил внимание на курсанта, который не вышел на зарядку. Герц сказал о пропаже, вернее, краже очков, тут же, на глазах старшины, направился к койке Яшки, одного из казаков, которого приметил утром возле своей кровати, и спокойно извлек очки из-под Яшкиной подушки.

Старшина замаял дело, и Юлик решил сам постоять за себя. Вечером он подошел к вору:

– Как тебе не стыдно... – вроде бы спокойно начал Юлик.

– Ах ты, пархатый! – зло выругался Яшка. – Ты на кого замахнулся?!

Вот тут Юлик не выдержал и ударил, да так, что у Яшки потекла кровь из носа. Казаки мигом окружили взбешенного «очкарика». Дело принимало дурной оборот, назревала драка. Вмешался появившийся старшина. Через два дня курсанта Герца перевели в другую роту.

Ни я, ни Юрка не успели понять Герца и, возможно, сблизиться с ним. В первую нашу беседу он ослепил нас блеском своих речей, поразил непривычной учтивостью, от которой мы стали отвыкать. Я был буквально околдован его манерой держаться, красиво и умно говорить. Юрку словесные виражи Юлика не тронули, после первого же разговора он высказался определенно:

– Уж больно этот Герц какой-то искусственный, дерганный, весь в тревоге. И высокомерия в нем много, только себя слышит, отнюдь не ждет иных суждений.

Это он точно заметил. Герц старался во всем показать себя необычным, не пропускал случая кого-нибудь разыграть, был фантазером – а нам казалось, что он несет вздор. Объясняя свое неординарное поведение, Юлик шутил:

– Жизнь слишком коротка, чтоб ее принимать всерьез.

Как-то он назвал нас с Юркой «книжными червями», а себя объявил врагом книги. В то же время однажды продекламировал наизусть – при общем внимании стихшей казармы – знаменитый монолог Гамлета «Быть или не быть...». Мы с Юрой тоже были потрясены, я, например, вообще не читал Шекспира.

– Никак не могу понять тебя, Герц, – сказал Юрка, – кто ты: рыцарь мысли или гороховый шут? Только не обижайся, я по-дружески.

– Я и сам себя не могу понять, – ответил Юлик.

Когда мы собрались с Юркой в библиотеку, Юлик язвительно спросил:

– Ну что, защитнички Родины, в Храм книги собрались? Больно вы в книгах живете, а завтра зачет по «максиму».

– Иди ты к черту вместе с твоими советами, – огрызнулся Юрка.

Юлик и потом не раз пытался убедить нас в бесполезности чтения.

– Книги приучают к чужим мыслям, а значит – к несамостоятельности суждений! – возглашал Юлик. – Чтение – это сон мысли!

Мы с Юркой не реагировали на столь примитивные, как мы полагали, взгляды, – отходили, оставляя его в одиночестве.

Зато когда мы расставались, Юлик поглядел на нас с Юркой таким долгим горестным взглядом, что мы его пожалели.

Уход из взвода «очкарика» никого не взволновал, остался малозаметен, а лейтенант ему явно обрадовался.

Вскоре наш взвод восполнили, место Герца занял Саша Пушкарев – уральский крепыш, спортсмен, классный курсант.

Он понравился мне с первого взгляда. Рослый, физически развитый, с крупными чертами лица, широкой грудью, крепкими руками. Казалось, такие люди рождались, чтобы стать вожаками. Саша не стал им, но в спорте преуспел: возглавил волейбольную команду училища.

Спортсменов среди курсантов было немного, да командиры не очень и заботились о воспитании новых спортсменов – канитель! А вот получить в готовом виде волейболиста, гимнаста, конькобежца, лыжника – это пожалуйста! Сашка же не только сам преуспел, но и старался привлечь к спорту каждого.

Кругозор Саши был невелик. Зато беспредельны были его душевность, доброта, щедрость. Он никого не утомлял, никому не надоедал, всегда был открыт и приветлив.

Комиссар

Комиссар батальона посещал нас чаще, чем иные командиры. Например, своего комбата за время учебы мы видели всего два раза: во время приема и в день принятия присяги. Встреч с комиссаром мы всегда ждали, и они нас не обманывали. Он приходил в казарму то с радостным, то с мрачным лицом, – как мы понимали, это зависело от событий на фронте. А вскоре «солдатский телеграф» донес весть о трагической судьбе двух его сыновей, кадровых командиров, – оба погибли в первые дни войны. Однако этот человек всегда вел себя ровно, старался быть приветливым, искренним. Сколько воли и мужества нужно было иметь, чтобы так владеть собой.

Комиссар никогда не уходил от острых вопросов, не лавировал; он пытался отвечать нам правдиво, хотя все чувствовали, как трудно это ему дается. Говорил он просто и ясно, разъяснял логично и аргументированно. Правдивость его, по тем временам, граничила с личной храбростью.

– На учениях один из «красных» пленил «синего» и отвел к командиру для допроса, – однажды рассказал комиссар. – Тот рассердился: «Зачем ты взял его в плен? Если начнется война, солдаты противника сразу же станут переходить на нашу сторону, появится много «языков». Вот такими мы были наивными. Не знали, насколько страшен враг, ослепленный гитлеровской пропагандой.

В Тюмени открыли тыловые госпитали для тяжелораненых, комиссар их навещал, беседовал с ранеными и часто рассказывал нам об их драматичных судьбах. Впервые не из газет, а после личных встреч комиссара с ранеными-очевидцами, мы слышали о красноармейцах, чудом вырвавшихся из плена, о жутких массированных бомбежках поездов и пароходов с гражданским населением, о бессмысленной гибели детей, женщин, бежавших от оккупации и расстреливаемых с самолетов на дорогах, о бомбежках в прифронтовой полосе санитарных составов и госпиталей...

Своей открытостью он внушал доверие, притягивал к себе. Встречаясь или беседуя с ним, каждый знал, что он никого не унижит, не обидит, не обругает, а поддержит, поможет. Комиссар умел слушать и пытался понять – бесценные качества, которые, увы, имеет не всякий. Естественная простота ощущалась не только в его речи, но и в умении себя держать, в теплом, искреннем отношении к людям.

Встречи с комиссаром окрыляли, давали пищу для размышлений; я понял тогда, что владеть массами – это большое искусство. Казалось, этот человек весь соткан из доброты; в то же время он страстно ненавидел фашистов и, встречаясь с нами, всякий раз подчеркивал это, старался внушить нам ненависть к врагу, подкрепляя свои мысли примерами из знаменитых в то время фронтовых очерков и военной публицистики Эренбурга, Шолохова, Алексея Толстого, Константина Симонова. Он поступал так потому, что понимал, насколько мы еще зеленые, плохо знаем страшного противника, с которым совсем скоро нам придется воевать.

Стоит рассказать и о дискуссии по «еврейскому вопросу», случившейся на политзанятии. Помимо политрука – заместителя комиссара, который вел занятие, в кабинете присутствовал и сам комиссар. Один из казаков вдруг спросил:

– Почему фашисты ненавидят евреев и всех их убивают?

Политрук задал встречный вопрос:

– Откуда у вас такие сведения?

Курсант покраснел, заерзал на табуретке, ответил уклончиво:

– Все так говорят.

Вот тут-то и прозвучал грозный комиссарский глас:

– Так отвечать командир Красной Армии не имеет права!

Далее, уже спокойнее, комиссар рассказал о расовой политике Гитлера, о роли антисемитизма в фашистских планах завоевания мирового господства.

– Гитлеровцы убивают не одних евреев, – подвел итог комиссар. – Русских, белорусов, украинцев они тоже убивают. А в первую очередь убивают коммунистов, комсомольцев, комиссаров и военнопленных. Вы должны уметь разбираться в политике, чтобы уметь разьяснять ее своим солдатам.

Из всех встреч с комиссаром особенно запомнилась одна – состоялась она под самый конец учебы в училище – он поделился с нами своим пониманием роли командира на войне. Все, сказанное им, относилось к нам – будущим командирам взводов, и рота буквально замерла, курсанты прислушивались к каждому сказанному слову.

– Для солдата его командир – это постоянный и единственный главный представитель Родины, – сказал комиссар. – Самый близкий для него человек во фронтовой жизни – в дни успеха, поражений и, возможно, в час его гибели. Командир обязан на собственном примере научить солдата любви к Отечеству, а это главный залог нашей победы. В свою очередь командир ответственен перед Отечеством за судьбы вверенных ему людей, за их воспитание и обучение, за обеспечение их физических и духовных нужд. Достигнуть желаемого можно только на основе солдатского братства – внутренней связи между командиром и подчиненным. На фронте основная забота командира – солдат! Фельдмаршал Суворов, обходя ночью спящий лагерь и встретившись с караульными, попросил их петь и разговаривать потише: «Пусть спокойно поспят русские витязи». Разумеется, песни караульных никак не могли потревожить спящее войско. Но на следующий день весь лагерь уже знал, что сам полководец говорил шепотом, чтоб не помешать спящим солдатам. Так рождается братство. К этому вы должны стремиться.

Кто-то спросил:

– Что вы считаете самым важным в личности командира?

– Честь! – отрубил комиссар. – Во все времена в русской армии главной святыней для командира считалась честь!

Мы с Юркой ахнули! А где вера в партию? в коммунизм? Где верность присяге? На тебе: честь! Как не вязались со сказанным бульдожьей повадки нашего лейтенанта, его отношение к нам, курсантам, – завтрашим командирам. Впрочем, где-то таилась и другая мысль: а может быть, то, что проделывает с нами Артур, – это и есть проведение в жизнь знаменитого суворовского принципа: «Тяжело в учении – легко в бою»? Но нет! Не в такой же форме!

А комиссар продолжал:

– Честь командира – это его высокие нравственные качества и его верность присяге. Воля, характер, честь закаляют мужество, облагораживают храбрость – без них нет командира.

Только позднее мы поняли: то было последнее напутствие комиссара, – видимо, он уже знал о нашей досрочной отправке на фронт.

Опять «еврейский вопрос»

Разговор с комиссаром «по еврейскому вопросу», видимо, не пошел впрок казакам. Скандал произошел в бане. Как ни старался я прикрыть обеими руками свое мужское достоинство, примитивная хитрость не сработала, скорее распалила Фоню, самого задиристого курсанта с коротеньким чубчиком. В присутствии взвода (мы уже одевались) он громким голосом съязвил в мой адрес:

– Чего прячешь свой «мундштук»? Все уже видели, что ты обрезанный еврей.

Я растерялся – просто не ожидал подобной гнусности. Спас неловкое положение Шурка.

– Фоня! – заорал он. – За то историческое надругательство над младенцем, что тебе как кость в горле, отца Борьки вышибли из партии. А ты свой... хошь выставляй, хошь прячь, все равно душонка твоя как была, так и есть говенная! Не цепляйся больше, курвий лапоть, к курсанту! Усек?!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.